

И. Ю. НИКОЛАЕВА, Н. С. ЗОРИНА

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ НЕРОНА, ИЛИ О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ТИРАНА

Тираны сегодня являются объектом пристального интереса общественного сознания, не говоря уже о научно-профессиональном. Причиной тому служит как обретение зрелости человеческой цивилизацией, в которой тирания, по крайней мере в европейском ареале, утратила исторические права на существование, так и рост профессионального научного знания. Однако вопросов остается множество. Как согласовать «талант» и его «злодейства», как это нередко имеет место в единой по своей структуре идентичности тирана? Как объяснить в рамках целостной структуры Эго-идентичности, скажем Сталина, любовь и тонкое понимание многих нравственно высоких произведений культуры с теми бесчеловечными злодеяниями, которыми прославился этот тиран? Как и почему боязнь тиранов уживалась с чувствами восхищения и «любви» к ним, заставлявшим насмерть сражаться с искренней верой в сердце и на устах, что это делается «за Родину, за Сталина!»? Можно ли говорить о том, что свершения, жизненно важные для того или иного социума, были совершены вопреки, а не благодаря стилю правления тирана?

Чаше всего попытки ответить на подобные вопросы строятся по принципу «с одной стороны, с другой стороны», что мало объясняет природу сотворения и социальной жизни тирании. Примерно такая ситуация сложилась и вокруг фигуры одного из самых известных истории тиранов — Нерона. В изобилующей противоречивыми персонажами античной истории (Юлий Цезарь, Октавиан Август, Калигула) именно Нерон, «наиболее часто оказывается предметом уче-

ных дискуссий и объектом для изображения у литераторов»¹. Во многих исследованиях отмечается тяга императора к поэзии, театру, изящным искусствам, но превалирует селективно-демонизирующая интерпретация его образа. Казалось бы, если выявлено такое число злодеяний тирана, то какая разница, любил он поэзию или нет, сути его правления это не меняет. Однако именно внешне обыденные черты и эпизоды бытования тирана способны пролить свет на него не как на некую аберрацию в ходе культурно-исторической эволюции человечества, но как на знаковый историко-психологический типаж, олицетворяющий время и место его появления.

Между тем в литературе по-прежнему бытуют оценки, оставляющие за кадром социально-психологические закономерности становления и динамики идентичности властителя. Исследователи нередко упускают из виду, что многие черты властителя являлись продуктом породившего его времени. В данной статье будет сделана попытка показать, что жестокость и развратность императора, как и другие его асоциальные черты были производными от структуры и динамики его Эго-идентичности, имевшей культурно-историческую обусловленность, что «слабости» этого Эго отражали «слабости» общества, еще крепко связанного с породившей его архаикой, отражали хрупкость наработанного цивилизацией культурного багажа.

Сразу стоит оговориться, что охватить весь объем вопросов, связанных с динамикой его идентичности не удастся в связи с неполнотой источников, касающихся этого исторического персонажа. Однако возможность реконструировать картину становления и деформации личности принцепса имеется. Инструментарием для нас будет служить технология полидисциплинарного синтеза, имеющая фокусом бессознательное². Она основывается на взаимодополняемых концепциях современного социогуманитарного знания, чья комплементарность обуславливается не только их общей фокусируемостью, но и методологической близостью в понимании социальной обусловленности формирования и функционирования бессознательного (теория установки Д. Н. Узнадзе, теория идентичности Э. Эриксона, теория невротической личности К. Хорни, теория

¹ *Кифер О.* Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003. С. 372.

² См.: *Николаева И. Ю.* Проблемы методологического синтеза и верификации в истории в современных концепциях бессознательного. Томск, 2005.

авторитарной личности Э. Фромма и др.). Широко вошедшие в научный оборот современной науки эти теории, тем не менее, обладают ограниченными возможностями реконструкции, не будучи соотносенными друг с другом, а также с историческим знанием. Их комплексное перекрестное использование в синергии с историческим методом компенсирует методологические изъяны той или иной конкретной теории и дает возможность разобраться в глубинных причинах становления и деформации идентичности императора.

Современные исследователи не придают особого значения детским годам Нерона, хотя историко-психологическое знание позволяет использовать связанную с детством информацию для системного анализа истоков становления Эго-идентичности взрослого (ставшие афоризмом слова Сартра «ребенок – отец взрослого» сегодня расшифровываются в терминах действия законов человеческой психики). С помощью его мы и попытаемся показать, что как раз в детстве и были заложены те негативные предрасположенности, которыми прославился взрослый Нерон в качестве злодея и развратника.

Итак, 15 декабря 37 года у дочери великого Германика Агриппины и Гнея Домиция Агенобарба родился единственный сын, которому суждено было стать знаменитым императором Нероном. Его отец Гней «был личностью отвратительной, наделенной одними лишь пороками и абсолютно лишенный добродетелей»³. Он был замечен в кровосмесительной связи со своей сестрой Лепидой. Воры, насильники, взяточники — это лишь некоторые «достоинства», которыми славился род Доминициев. От своих предков Гней унаследовал «медную бороду, язык из железа и сердце из свинца». Светоний рисует портрет, в котором просматриваются черты, впоследствии столь ярко проявившиеся в его сыне: «Он однажды убил своего вольноотпущенника за то, что не хотел пить, сколько ему велели, ... в одном селенье по Аппиевой дороге он с разгону задавил мальчика, нарочно подхлестнув лошадей, а в Риме, на самом форуме, выбил глаз одному всаднику за его слишком резкую брань»⁴. Отец будущего императора славился и тем, что не платил посредникам за вещи, приобретенные на аукционах, бесцеремонно присваивал награды, завоеванные другими на скачках. Он был обвинен в оскорб-

³ Дуров В. С. Нерон или актер на троне. СПб., 1994. С. 45.

⁴ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1988. С. 197.

лении величества и заключен под стражу, но после смерти императора Тиберия неожиданно оказался на свободе. Через некоторое время Гней покинул Рим и скрывался в своем поместье на берегу Тирренского моря. На известие о рождении единственного сына он отреагировал весьма своеобразно, сказав, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества⁵.

По старинному римскому обычаю, на девятый день после рождения мать клала ребенка на землю у ног отца, который должен был взять малыша на руки, тем самым официально признавая его своим. После совершения этого ритуала ребенку давали имя, и он становился полноправным членом семьи. В тот день, когда Нерону следовало пройти этот обряд, его отец так и не появился. Поскольку Гней отсутствовал, этот ритуал выполнил брат Агриппины — Калигула. Своего сына Агриппина назвала Луцием Домицием Агенбарбом. Очевидно, что и в воспитании сына Гней не принимал никакого участия, а через три года после его рождения он умер.

Мать Нерона Агриппина вскоре после его рождения в январе 40 г. вместе со своей сестрой была обвинена в заговоре против императора и приговорена к ссылке на остров Пандатерии. Надеяться на скорую смерть брата, императора Калигулы не приходилось: он был молод и полон сил. Сестер ожидало медленное угасание вдали от Рима. Новости из Рима и Неаполя они получали лишь несколько раз в год, когда на остров доставлялось продовольствие и жалованье для небольшого гарнизона. Находясь в ссылке, Агриппина овдовела.

Однако судьба оказалась на ее стороне. Император Калигула был убит заговорщиками из числа военных. Новым императором был провозглашен Клавдий, дядя Агриппины и Юлии. Весной 41 г. они вернулись в Рим вместе с толпой амнистированных.

К дочерям своего брата Клавдий отнесся весьма благосклонно. Двери его дома были для них открыты, и очень скоро сестры восстановили положение членов императорской семьи. Агриппине нужно было устраивать свою жизнь, поскольку без поддержки мужа надеяться на обеспеченное существование было невозможно. Дочь Германика начала активные поиски нового супруга. Им оказался Пассиен Крисп, который принадлежал к интеллектуальной элите Рима и

⁵ Там же. С. 198.

прославился как выдающийся оратор. Немаловажное значение имело и его огромное состояние. Брак с Криспом был выгоден Агриппине во всех отношениях: он стал надежной ее защитой и от происков жены Клавдия Мессалины.

После замужества пришло время посвятить себя воспитанию сына. В двухлетнем возрасте Нерон оказался лишен отца и материнской заботы. Первые и самые важные годы в становлении личности ребенка были проведены им в разлуке с матерью, что с неизбежностью должно было сказаться на отсутствии базального доверия к миру и уже на этой ранней стадии формирования идентичности лишить его важной подпитки психологической уверенности в себе⁶. С раннего детства он мог ощущать лишь собственную слабость и беспомощность, что впоследствии привело к закреплению и акцентуации черт авторитарного (в терминологии Э. Фромма) характера, со свойственными ему проявлениями садомазохистского синдрома. После ссылки Агриппины Нерон был отдан на воспитание тетке по отцовской линии Домиции Липиде. Его первыми наставниками стали танцовщик и брадобрей — греки по происхождению, которые ничему, кроме языка мальчика не могли научить. Несомненно, что определенную долю любви и заботы малыш получал от тетки, но это никак не могло заменить ему материнскую нежность.

Когда будущему императору шел четвертый год, из ссылки вернулась его мать, однако эмоциональная связь между ними не была восстановлена. Во многом это было связано с самой структурой социально-психологической идентичности общества и органичной ей системой воспитания детей. Как правило, в знатных семьях для новорожденных брали кормилиц, тем самым лишая мать и ребенка тонкой эмоциональной зависимости друг от друга. По мере взросления к детям приставляли воспитателей, которые обращались с ними

⁶ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995; Хорни К. Невротическая личность нашего времени. СПб, 2002; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. Суть всех неврозов заключается в деформации характера, берущей начало в детстве, в котором отсутствовали условия для обретения неосознаваемой, но фундаментально важной уверенности в себе, любви близких. Как правило, негативный опыт социализации на ранних стадиях детства закладывает основания для базисно тревожной психики и в будущем, если условия дальнейшей социализации не компенсируют дефектов этой стадии.

как с маленькими взрослыми. Психо-эмоциональная незрелость не давала возможности любить кого-то глубоко (в современном понимании⁷), дарить нежность другому человеку. В этом смысле история Античности дает нам богатейший материал. Вот лишь два достаточно характерных среза структуры психосоциальной идентичности античного мира — Медея, убившая своих сыновей из-за предательства их отца, и Эней, несущий на плечах своего отца Анхиза. Эти два совершенно разных, и, казалось бы, взаимоисключающих примера — мать, убившая детей, и сын, несущий отца на руках, лишь внешне парадоксальны. Их внутреннее родство заключается в том, что они позволяют вскрыть отсутствие эмоциональной связи между родителями и детьми. Как справедливо отметил П. Киньяр, груз на плечах Энея, это не проявление сыновей любви, это лишь долг по отношению младшего к старшему. Отсюда и традиции сурового воспитания, когда родители не выказывали чувств к своим чадам⁸.

Нерон был обязан получить хорошее воспитание, поскольку он считался одним из последних прямых потомков Августа Германика и со временем мог претендовать на императорский трон. Первым серьезным выступлением Луция стали Троянские игры. Как пишет Тацит: «Это были своеобразные испытания в ловкости и умении управлять лошадьми, к которым допускались сыновья сенаторов и всадников. Мальчики и юноши верхом на лошадях и в соответствующем одеянии, вооруженные каждый копьем, луком и стрелами, на глазах многочисленных зрителей выполняли на арене определенные упражнения и согласованные маневры»⁹. Луцию на момент этих игр было девять лет, но ростом и силой он превосходил сверстников. Троянские игры завершились для него полным успехом, аплодисменты всех зрителей принадлежали только ему. Однако «расположение народа к нему проистекало из еще незаглохшего воспомина-

⁷ См.: *Де Моз Л.* Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000 (при всей уязвимости исторических построений автора, общая посылка его теории относительно общего вектора динамики взаимоотношений детей и родителей в исторической ретроспективе во многом совпадает с законами психологического знания. См.: *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века. Историкографическая революция. Вып. III. Томск, 2008. С. 185-190.

⁸ Подробнее см.: *Киньяр П.* Секс и страх. М., 2000.

⁹ *Дуров В. С.* Нерон или актер на троне. С. 75.

ния о Германике, чьим последним потомком мужского пола он был, и подкреплялось, кроме того, сочувствием к его матери Агриппине вследствие преследований со стороны Мессалины, которая была всегда к ней враждебна, а в то время более чем когда-либо...». Такое проявление чувств не могло понравиться императрице Мессалине. Опасаясь за будущее наследника, Мессалина пригласила наемных убийц, чтобы избавиться от возможного претендента на императорский трон. Но попытка потерпела поражение. Агриппина приставила к сыну штат охранников и распространила слух о том, что Луций был спасен от смерти благодаря божественному вмешательству (по преданию, спящего ребенка, защищала змея, которая и напугала убийц). Сам Нерон, «отнюдь не склонный себя умять, говорил, что в его спальном покое была обнаружена... змея»¹⁰.

Успешное участие в этих играх, можно трактовать, как прохождение важного лиминарного порога¹¹. В. Тернер на широком историко-культурном материале доказал связь обрядов перехода с лиминарными периодами. Лиминарность он анализировал как межструктурную ситуацию, как трансформацию, некое символическое поведение, означающее отделение индивида или группы от ранее фиксированной точки в социальной структуре или набора культурных условий (состояний). Самое важное в лиминарном периоде — внутренние, а не внешние изменения в человеке, проходящем обряд перехода. На языке теории Э. Эриксона этот период может быть определен как прохождение определенной точки бифуркации в подростковом кризисе идентичности Нерона. Успех в играх, несомненно, должен был способствовать процессу расставания с детской идентичностью и обретению юношеской в алгоритме укрепления позитивных установок в структуре его Эго-идентичности.

Эта структура, как известно, зависит во многом от социализации в рамках семьи и связанных с ней малых групп. И в этом смысле судьба вновь оказалась благосклонна к Агриппине. Благодаря падению и гибели Мессалины, она оказалась одной из главных претенденток на освободившееся место императрицы. Вольноотпущенники Клавдия, управлявшие делами во дворце, хорошо знали своего гос-

¹⁰ Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1. Кн. 11. С. 184.

¹¹ Подробнее см.: Тернер В. *Символ и ритуал*. М., 1983.

подина и его привычку подчиняться жене. Поэтому они постарались как можно скорее найти новую кандидатуру на это место. Претенденток было трое, но Агриппина одержала победу, несмотря на то, что являлась племянницей императора, а кровосмесительные браки в Риме не приветствовались. Агриппина пользовалась большой популярностью у народа, войск, сената. Благодаря Криспу она была весьма образованна, а будучи племянницей Клавдия, имела свободный доступ в императорские покои. Одобрению этого союза поспособствовал сенатор Луций Вителлий, призвавший сенат голосовать за кандидатуру Агриппины, поскольку она «...превосходит всех остальных славою своего рода; она показала, что способна рожать детей, и что ей присущи добрые качества»¹². Брак Агриппины и Клавдия был решен. «Этот брак принцепса явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы, отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. На людях она выказывала суровость и еще чаще — высокомерие; а в домашней жизни не допускала ни малейшего отступления от старого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти»¹³.

Будучи весьма умной и предусмотрительной женщиной Агриппина понимала, что недостаточно просто завладеть властью, необходимо уметь ее удержать. Одной из главных задач Агриппины было упрочить положение своего сына. Ей удалось добиться уравнивания в правах Луция и Британика. 25 февраля 50 г. Клавдий усыновил Луция Домиция, который вступил в императорскую семью с новым именем — Нерон Клавдий Цезарь, Друз, Германик. Императрица расправилась и со всеми возможными соперницами. Стоило Клавдию сказать, как хороша та или иная особа, Агриппина уничтожала ее если не в физическом, то в моральном плане. Она вступила в сексуальную связь с вольноотпущенником Паллантом, который стал ревностным защитником ее интересов. Вступая в сексуальную связь с министром финансов императора Клавдия, она преследовала цель укрепления своей власти, возможности влиять на принятие тех или

¹² Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Кн. 12. С. 198.

¹³ Там же. С. 199.

иных политических решений¹⁴. Она добилась для себя титула Августы, получив тем самым право сидеть рядом с императором при исполнении им государственных обязанностей. Агриппина стала первой женщиной, возвеличенной этим титулом при жизни мужа (до нее его удостоились лишь Ливия и Антония, но только овдовев).

Агриппина не забывала и о карьере сына — достигнув 14-летия, он получил право облачаться в мужскую тогу (обычно это происходило по достижению 16 лет). Луций был назван главой римской молодежи и назначен консулом с вступлением в должность в 20 лет. До этого возраста ему была предоставлена проконсульская власть, которую он имел право осуществлять за пределами Рима. От его имени народу и солдатам раздавались денежные премии и продовольствие. В его честь было устроено цирковое представление, на котором Нерон был в одеянии триумфатора, а Британик в детской тоге¹⁵.

Для себя Агриппина вытребовала почесть — подниматься к святыням Капитолия в конном экипаже (подобная честь предоставлялась исключительно жрецам и статуям богов). Она вмешивалась в государственные дела, присутствовала на частных совещаниях императора и высказывала свое мнение по важным государственным вопросам. Она принимала послов и представителя из провинций. Агриппина прибрала к рукам преторианскую гвардию, что сделало ее положение еще более неуязвимым. Но ни на минуту она не забывала о Британике. Клавдий дал ей полную свободу действий, и Агриппина быстро избавилась от неугодных воспитателей пасынка. В «Анналах» читаем: «Клавдий обрекает на изгнание или смерть всех наиболее честных и неподкупных воспитателей сына и попечение о нем отдает в руки назначенных мачехой»¹⁶. Преданные императрице люди доносили ей о каждом его шаге и слове.

¹⁴ Так, «Клавдий по настоянию Палланта ускорил усыновление Домиция». Там же. С. 205.

¹⁵ Логика психологических законов формирования идентичности дает нам основание предположить, что в обстоятельствах, когда молодой Нерон преждевременно, а порой и не по заслугам получал символически важные свидетельства значимости собственной персоны, деформация структуры Эго-идентичности уже имела место. И хотя в источниках не находится прямых свидетельств этому, мы можем, выдвигая данное предположение, полагаться на компенсаторную функцию полидисциплинарного знания.

¹⁶ *Публий Корнелий Тацит*. *Анналы*. Кн. 12. С. 213.

Воспитанием Нерона по-прежнему занимались педагоги-греки. Мать и избранные ею учителя, видевшие в Луции будущего полководца, продолжателя рода великого Германика, воспитывали в нем твердость и суровость, хотя качества, востребованные культурой политической элиты римского общества, не были присущи природе будущего императора: «Нерон с раннего детства устремил живость своей души на другое: занимался чеканной работой, рисованием, пением, учился править лошадьми на ристалище...»¹⁷. Его излюбленными занятиями были посещение театра и цирковых представлений. Его восхищали скачки, но наставники стыдили его за низменные увлечения. Агриппину не волновали увлечения сына. Перед ней стояла лишь одна цель — сделать его римским императором, что в будущем послужило бы гарантом ее власти и удовлетворения собственных политических амбиций. В идентичности молодого Нерона можно предположить наличие негативных идентификаций, отягчавших и без того базисно невротную структуру его психики¹⁸.

Известно, что наибольшее влияние на становление личности будущего императора оказал Сенека, его главный наставник, воспитатель, советник. М. Грант так рисует его портрет: «Сенека был одним из самых экстраординарных людей своего времени... он был безмерно моден среди молодежи, которая обожала его риторические фейерверки и резкую, беспокойную, отточенную манерность, которая сделала его стиль воплощением латинского серебряного века»¹⁹. Творческая гениальность уживалась с чертами, на первый взгляд не вяжущимися с традиционно рисуемым образом. При императоре Калигуле он был ведущим оратором в Сенате, пользовался почетом и уважением, будучи сосланным при Клавдии на Корсику, писал оттуда ему льстивые письма. «Лицемерие и бесстыдство этого челове-

¹⁷ Там же. Кн. 13. С. 225.

¹⁸ Для складывания позитивной идентичности необходимо иметь твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру. На данном этапе становления личности будущего принцепса позитивная идентичность сформироваться не могла, поскольку идентификации Нерона приходили в противоречие с представлениями о нем у матери и его воспитателей, а опосредованно и более широкого окружения. Подробнее см.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис...

¹⁹ Грант М. Нерон. Владыка земного ада. М., 2003. С. 21-22.

ка поразительны. На словах он осуждал богатство, но, разбогатев адвокатурой, продолжал наращивать состояние ростовщичеством. Он восхвалял умеренность, но себя лично ограничил лишь в том, что изгнал со своего всегда обильного стола устрицы и грибы. Он твердил, что хочет навсегда сразить роскошь, а свелось все к тому, что отказался всего-то от благовоний для тела. Он учил воздержанию, но в то же время посещал самых испорченных и мерзких проституток, ублажавших пьяных матросов и гладиаторов. Как все представители римской аристократии, он не брезговал мальчиками и здесь искал самых гнусных и развратных. Он не уставал прославлять чистоту нравов, а жил при этом как гнусный развратник»²⁰.

Однако не будем спешить с категоричной оценкой этой глубоко сложной и противоречивой личности. Вряд ли стоит говорить о пороках Сенеки как признаке нравственно извращенной натуры. Нам ближе иной ракурс интерпретации его «девиаций». На наш взгляд именно близость архаического наследия²¹ определила резкое столкновение связанных с ним и глубоко укорененных ценностных установок с вновь обретенным культурным знанием. Острота конфликта находилась в прямой связи с тем, что Сенека являлся не просто носителем последнего, но одним из тех, кто благодаря болезненно-творческому переживанию конфликтов современности, сформулировал целый ряд составляющих это знание ценностных ориентиров.

Итак, будучи в ссылке, Сенека писал Клавдию льстивые стихи, прославлявшие его успехи в Британии. Он обращался ко всем с подобными посланиями, чтобы только вернуться в Рим. Но все было безрезультатно, пока о нем не вспомнила Агриппина. В 49 г. он возвращается в Рим и становится наставником будущего императора. Агриппина добивается для него должности претора на 50-й год и вводит его в императорский совет. Выбор Сенеки в качестве настав-

²⁰ Дуров В. С. Нерон или актер на троне. С. 104.

²¹ Об укорененности в ментальном складе античного общества архаических установок см.: Николаева И. Ю. Истоки и особенности европейского гендерного культурного кода // Гендерная идентичность в контексте разных историко-культурных типов: стратегия и методика гендерного образования / Под ред. И. Ю. Николаевой. Томск, 2003. С. 3-16; Она же. Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования бессознательного // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 52. С. 92-98.

ника Нерона был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, философ был личностью яркой и одаренной, он имел громкую литературную славу. Во-вторых, Агриппина надеялась, что Сенека ненавидит Клавдия, но к ней будет питать безграничную преданность как к спасительнице. Именно этот аргумент был наиболее значим. «Она поступила так и ради того, чтобы отроческие годы Домиция протекли под руководством столь выдающегося наставника и чтобы она с сыном, осуществляя ее мечту о самовластном владычестве, могла пользоваться его советами...», — читаем у Тацита²².

Воспитательные методы Сенеки заключались в следующем. Он заставлял юношу читать и изучать только собственные произведения. Философ написал для будущего императора целый трактат «О Милосердии», в котором давал советы по управлению государством. В этом произведении обрисовывалась некая идеальная картина отношений между *pater familias* и подданными. Наделенный властью должен быть заботливым, снисходительным по отношению к подчиненным, подавать им пример собственным поведением. Другая идея этого трактата — служение на благо империи всех граждан и, в первую очередь, императора²³. Занятия музыкой, поэзией и всеми изящными искусствами Сенека осуждал, считая их паразитическими и ненужными, служащими только для роскоши. Подобное отношение у наставника Нерона было и к геометрии, математике, астрономии, поскольку они не способны научить человека добродетели, ради которой он призывает отказаться от материальных благ и богатства, презреть страх смерти и не бояться страданий, а искать внутреннее равновесие. Все, к чему стремился и чем увлекался Нерон, презиралось и резко осуждалось учителем, что не могло не сказаться на характере его идентичности, в чьей структуре все более укреплялся блок неосознаваемых негативных собственных идентификаций.

Как это ни парадоксально, но если бы не властные устремления матери, видевшей в Нероне-императоре гаранта собственной власти, то его эго-идентичность на данном этапе не имела бы шансов обрести свой голос, который он продемонстрирует как император-поэт, император-актер. Главное, пожалуй, заключается в том, что позиция

²² Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Кн. 12. С. 199.

²³ Подробнее см.: *Грималь П.* Сенека, или Совесть империи. М., 2003; *Краснов Пл. Л. А.* Сенека. Его жизнь и философская деятельность. СПб., 1895.

матери в данном случае оставляла шанс обретения некоей уверенности в себе. Агриппина внимательно следила за воспитанием сына. Будучи солидарна с Сенекой во многом, она все же не поддерживала его ставки на философию и требовала интенсивных занятий риторикой, искусством письма и публичной речи, историей, литературой, древними обычаями, т.е. всем тем, что необходимо для правителя, и что было органично устремлениям юноши. Кроме того, отдушиной для него стали занятия спортом, которые в глазах учителя и матери могли послужить некой тренировкой для будущих военных успехов.

Будь эти воспитательные практики направлены на развитие внутренних задатков личности, история лишилась бы одного из тиранов. Однако в этом и состоит закономерность, и органичной ее составляющей являются законы функционирования психики в ее исторической ипостаси. По Тациту, Агриппина полагала, что Сенека должен быть предельно строг со своим учеником и сама была «с ним неизменно сурова и непреклонна: она желала доставить сыну верховную власть, но терпеть его властвование она не могла»²⁴. Уже с повзрослевшим юношей она обращалась как с несмышленным ребенком, властно и жестко диктовала ему свою волю; ей хватало одного только взгляда, чтобы Нероном овладел страх. Это лишний раз свидетельствует о том, что основные ценностные ориентиры или смысловые установки матери были связаны с властью и проистекали из авторитарной структуры ее психики, культурно-исторически опосредованной самой природой психосоциальной идентичности римской элиты²⁵. Можно переиначить эту закономерность в историко-психологическом срезе — Эго-идентичность Агриппины была отражением одного из модусов социально-психологической идентичности римской политической элиты.

Не удивительно, что поведение матери не могло не способствовать закреплению ригидно-авторитарной структуры характера молодого Нерона. В соответствии с описанным Фроммом поведением такого рода личности изнанкой внешнего подчинения и пассивности

²⁴ Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Кн. 12. С. 221.

²⁵ Об этом подробнее см.: Зорина Н. С. Деформация гендерного кода поведения элиты в контексте кризиса позднеимперского общества (к постановке вопроса) // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. 28. Томск, 2008. С. 270-279.

будущего тирана являлось до поры до времени подавляемое стремление избавиться от материнской опеки. Стремление, которое в будущем, при складывании условий для его осуществления, выльется в гротескно-уродливую форму убийства матери. Собранный информация дает основания полагать, что психологический интерьер социализации Нерона уже на этапе формирования его детской и юношеской идентичности способствовал фиксации личности на проблемах преодоления страха перед авторитетом, властными фигурами. Такие ситуации, как правило, приводят к гиперкомпенсаторному поведению на стадии формировании взрослой идентичности, если условия на этом этапе ее оформления благоприятствуют демонстрации собственной силы. Вне контекста формирования и действия данного социально-психологического механизма изоцирено кровавая жестокость Нерона-императора не может быть объяснена.

В возрасте 16 лет состоялась свадьба Нерона с дочерью Клавдия Октавией. После этого события сомнений в том, что Нерон – наследник императорского трона, не было. Однако этот брак не был удачен. Нерона совсем не интересовала юная жена. Удовлетворение своих физиологических потребностей он находил на стороне, не исключено, что в этом ему помогал Сенека. Отметим этот отягчающий условия продуктивного развития Эго гендерный фактор, когда выбор брачного партнера не строится на свободе волеизъявления молодого человека, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По случаю вступления в брак будущему принцепсу была предоставлена возможность показать свое ораторское искусство в сенате. Нерон выступил трижды в поддержку трех городов. Одна речь была составлена на латыни, две другие он произнес на безупречном греческом, что не могло не прибавить ему политического веса.

Агриппина делала все возможное, чтобы ее сын стал императором. Почувствовав угрозу свершению своих планов, она пошла на убийство Клавдия. Причиной тому был советник Клавдия Нарцисс, возлагавший надежды на Британика как будущего императора. Нарцисс, как сообщает Тацит, подозревая Агриппину в злонамеренных умыслах, сказал однажды в тесном кругу друзей, что он обречен на верную гибель, достанется ли власть Британику или Нерону. Однако чувствуя себя обязанным Цезарю, Нарцисс сделал выбор в пользу Британика, заявив, что ради истинной пользы действующего импе-

ратора готов пожертвовать своей жизнью. Он, Нарцисс, изблещил Мессалину и Силия; и «если власть попадет в руки Нерона, ... тот будет располагать ... основаниями для его осуждения; но зато, если наследником будет признан Британик, это избавит принципса от опасности; а бесстрашно наблюдать козни мачехи, столь пагубные для всей семьи Цезаря, он счел бы для себя еще большим позором, чем если бы умолчал о распутстве его предыдущей жены...»²⁶.

Агриппина решила отравить мужа и обратилась за ядом к колдунье Локусте. Это был особый яд, действующий внезапно, но не слишком быстро, чтобы ни у кого не возникло подозрений в преднамеренном убийстве, чтобы «Клавдий на пороге смерти не понял, что он жертва коварства, и не возвратил своей любви к сыну»²⁷. Все произошло так, как и задумывала императрица. Предоставим слово Тациту: «И вот в полдень, в третий день до октябрьских ид, внезапно широко распахиваются двери дворца и к когорте, по заведенному в войске порядку охранявшей его, выходит сопровождаемый Буром, Нерон. Встреченного по указанию префекта приветственными кликами, его поднимают на носилках. Говорят, что некоторые воины заколебались, озираясь по сторонам, они спрашивали, где же Британик, но так как никто не призывал их к возмущению, им только и оставалось покориться. Принесенный в преторианский лагерь Нерон, произнеся подобающую обстоятельству речь и пообещав воинам столь же щедрые, как его отец, денежные подарки, провозглашается императором. За решением войска последовали указы сената, никаких волнений не было и в провинциях. Клавдию определяют почести, воздаваемые богам, и похороны его обставляются с такой же торжественностью, с какой был похоронен Август... завещание его, однако, оглашено не было»²⁸.

Итак, 13 октября 54 года Нерон был провозглашен повелителем империи с населением в 17 миллионов человек. Агриппина добилась поставленной цели, ее сын стал властителем римского народа.

Так кем же являлся новый римский император, и каких поступков стоило от него ожидать? Весь историко-культурный и социально-психологический интерьер формирования его идентичности дает

²⁶ Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Кн. 12. С. 222.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 223.

основания считать, что поведение Нерона-императора было вполне прогнозируемым. Он пришел к власти в период кризиса ценностных установок римского общества, когда шла девальвация старых ценностей, а новые были еще слабо укоренены, не были морально санкционированы²⁹. Кризис был сопряжен с психосоциальной трансформацией римского нобилитета. Архаические практики были сильны, а наработанный социокультурный багаж, который мог бы противостоять деформации нравственно-психологических оснований идентичности римского нобилитета, был чрезвычайно хрупким.

В эту эпоху всеобщего кризиса у власти оказался человек с большим грузом собственных негативных предрасположенностей. У шестнадцатилетнего юноши отсутствовало базальное доверие к миру. Акцентуации негативной составляющей его идентичности способствовало то, что в глазах матери и наставников все его увлечения были пустым местом, и чтобы угодить окружающим Нерону приходилось лицемерить и заниматься тем, что выбрали для него мать и наставник. Его никогда не спрашивали, что он любит и чем он хочет заниматься, он никогда не чувствовал истинной эмпатии от близких ему людей. Его судьба была предрешена с самого рождения. Выгодный ранний брак с девушкой, которая вызывала у него отвращение, тоже сыграл не последнюю роль в деформации личности Нерона. Постоянное давление матери и Сенеки было фактором устойчивой подпитки жестко ригидной структуры его авторитарного характера. Не удивительно, что взойдя на трон и получив реальные полномочия, Нерон реализует свои глубоко скрытые устремления, которым в силу их чрезмерного и долгого подавления суждено со всей закономерностью действия психического раскрыться в уродливо жестокой форме. Важная деталь. Известная максима «свита делает короля», может быть реинтерпретирована — тирана делают тираном не только его приближенные, но и жертвы. Но это уже предмет для другого разговора. Мы же пока ставим точку в этом тексте, с тем, чтобы во второй его части попытаться проанализировать историко-психологический механизм властвования Нерона-тирана.

²⁹ Подробнее см.: *Зорина Н. С. Деформация гендерного кода...*